

В. Круговой

Черноглазка

ИЛИ

современная сказка

Черноглазая девчонка
В узкой маленькой юбчонке,
Ножки стройные под ней,
А улыбка всех нежней.

Очень легкая походка.
Для кого-то ты находка.
Очень многим «повезло».
Одному лишь только зло
Принесла твоя улыбка
И на жизнь свою: «Ошибка!»
Он задумчиво сказал
Вспомнив черные глаза.

Начал он молиться богу,
Призывая на подмогу,
Научился и гадать,
Чтоб ее вновь увидеть.
На судьбу свою он злится:
То задумает топиться,
То куда глаза глядят
Мчится много дней подряд,
То сидит, уставив взор
В никуда. И разговор
Сам с собою он заводит.
То как леший где-то бродит...
Год за годом, день за днем
Обжигала, как огнем,
Мысль, что будто неспроста
Встретилась девчонка та.
Счастья ему не будет,
Коль она его не любит.
« Видно мой пришел конец.»-
Думал парень-удалец.
Он ни пил, ни ел, ни спал
И чуть душу не отдал
Богу.

Только как-то раз
Услыхал такой вот сказ.
Две дивчины под окном
Разговор вели о нем:

« Ах! Каким он парнем был,
Пока ты не полюбил!
И красив, и статен!

В нем

Все прекрасно!

Все при нем!», -

Говорила так одна,
Та, что не была видна.

Ей другая отвечает:
« Да! Давно меня печалит
Этот парень молодой.
Ходит в паре он с бедой.
Я ль ему не улыбаюсь?
Словно тень за ним болтаюсь.
Он же, кажется, меня
Не отличит и от пня.
Что мне делать, как мне быть?
Хоть начни волчицей выть.
Я завидую тебе
И твоей простой судьбе.
Мне ж ни жизни нет, ни сна.» -
Говорила так она.

Слыша этот разговор,
Он подкрался, словно вор,
Но, споткнувшись, вдруг, упал,
На нее глаза поднял,
Подскочил и, как болван,
Перед ней стоит Иван.
И молчит, потупив взор.
Видит легкий он укор.
Улыбнулась, вдруг, она
Пробудившись, как от сна,
На нее Иван глядит
И, как в сказке, говорит:
«Здравствуй, добрая девица,
На тебе хочу жениться!»

На него она взглянула,
Покраснела и вздохнула,
На шажочек отступила,
Слезы неги обронила
Милым тихо назвала,
Подошла и обняла!
И счастливей всех на свете
Стал Иван с прекрасной Светой!
Свадьбу аж три дня справляли,
Всех соседей созывали
И вино лилось рекою...
Жаль – нас не было с тобою.

Позабыл о ком-то я –
Подскажите-ка, друзья!
Да, вернемся к Черноглазке,
Отведем ей место в сказке.

Год за годом, день за днем
Та игралась с «огнем».
Никого не полюбила,
Очень многих позабыла
И, как денежки, меняла
Женихов своих меняла.
Проводила бурно ночи.
Потускнели ясны очи.
А морщинки все сильнее,
Все быстрее росли на ней.

Где ж девалась та девчонка
В узкой, маленькой юбчонке?
Где улыбка, всех страстней,
Стройный стан, что был лишь ей,
Ей одной дарован Богом?
Да, потеряно так много...
И теперь уже она
Вся не та. И не нужна
Ни кому. И дай – то Бог
Чтоб хоть кто-то с нею смог
Жить в последние года.
«Жизнь моя – одна беда.
В жизни все – сплошной обман!» -
Жалуется. Что ж Иван?

Строит дом. Читает книжки
Подрастающим детишкам.
Ходит справно на работу.
И с женою нет заботы:
Ни скандалов, ни обмана
Он не знает со Светланой!

А Светлана подобрела,
Разрослась, похорошела.
И воркует голубицей
Возле Вани молодлица.
И живут себе оне
В перестроечной стране

Рассказал я этот сказ
Для того, чтобы из вас
Каждый жизнь свою обдумал,
Поразмыслил, все продумал...
Толь девчушка, толь юнец.
Тут и сказочке конец

В. КРУГОВОЙ

ХОТМЫСЛЬ

ДРЕВНИЙ

(поэма)

В. Круговой

ПЕЧЕНЕГИ

Куст калины дремлет над рекою,
Рядом с ним горбатая верба.
И стоит с печальной тоскою
Полуобгоревшая изба.
Что ж стряслось на старом городище?
Что ж случилось здесь, в который раз?
Вот сидят старик на пепелище
И мальцы.

Он им ведёт рассказ:
«Тут живём давно мы, «северяне»*,
Дед мой жил тут.

Жил прапрадед мой.
Сеяли хлеба тут, на окраине,
На зверьё охотились зимой.
Рыбы много в нашей речке Ворскле,
Много птиц, полей, лесов, лугов...
Ну, а там, за речкой, в Диком поле,
Так же много злых - презлых врагов.
Про хазар, кажись, уже забыли.
Жили в благодатнейшей красе,
Пряли, и пахали, и любили,
Веселились и дружили все.
Город рос.

Бревенчатый детинец
Возвышался гордо на холме.
И весной старейшинам гостинец
Из - за моря вёз купец в чалме.
Женихи из - за мехов куницы
Выменяли бусы для подруг.
Мальчуган за канарейку - птицу
Получил заморский детский лук.
Мужики, что были поважнее,
С гостем пили южное вино,
Становясь добрее и нежнее,
Так меняло облик их оно.

Торги шли, по - разному кричали,
Хоровод водили на лугу
Три жены,* и никакой печали.
Игрища, костры на берегу.
Да! Жилось неплохо нам !

Давеча

Собрались на площади на сход.
Этот сход мы называли «Вече»,
Всё важнейшее на нём решал народ.
Кто к зиме готовить будет сани,
Кто займется крепостной стеной.
Сколько и с кого для князя дани
Собирать.

И сеять, что весной.

Ну, конечно, много было спора...
Порешили: свадебки, как снег
Выпадет, сыграть...

Зевнули вора -

Наскочил, проклятый печенег.
Стон стоял над Ворсклою - рекою,
Женский крик и жуткий детский плач
И за косы грязною рукою
Наших женщин печенег - палач
В степь тащил.

В селении разбитом

Не осталось ни одной избы.
Кто сопротивлялся - перебиты,
Остальные - угнаны в рабы.
Я и дряхл, и стар.

Меня не стали,

Может, потому и убивать.
Но, всегда их буду, без устали,
Даже после смерти, проклипать.
Сыновья схватиться не успели
В суматохе за свои мечи -
На конях лохматых налетели
Злые печенеги - палачи.
Хоть все сыновья мои и были
Их сильнее всех и посмелей,
Все ж всех семерых враги убили
Там вон, у семи тех тополей.»*
Дед вздохнул, присел

и охнул тонко,

Поглядел на мыс,

на реку,

бор.

И сказал:

«Ну, что же, ребятёнки,
В Русь пойдём, где княжил Ратибор*.
От дедов я слышал:

россы эти
С ним ходили даже на Царьград.
Помните свои просторы, дети,
Может быть, вернитесь вы назад!
И ушли,

оставив в пепелище
Бывшее селенье,
старый дед

И мальцы.

Чтоб это городище
Возродить!

Аж через двести лет!

Половцы

Куст калины дремлет над водою,
Что - то тихо шепчут камыши,
Мыс стоит, покрытый лебедою,
И не видно ни одной души.
В заводи речной кувшинок грядки
В их тени ждёт щука карася,
Что живёт здесь странно,
без оглядки,

Ожирев,
плюя на всё и вся.

Сом метровой, распутив усища,
В самом тёмном уголке живёт
И лежит, не двигаясь, на днище,
Ждёт, когда кто мимо проплывет.
Утки - кряквы выводки приводят
На воду.

И крики журавлей
Слышны на лугах.

И песнь заводит
Жаворонок над морем полей.
А в полях, заброшенных, пшеница
Одичав средь трав растёт,
и рожь

Измельчала,
все же колосится,
Вызывая в сердце боль и дрожь.

Гладь воды
тревожится лишь всплеском
Рыбы. И в предутренней тиши
Птичье пенье слышно в перелеске
Волка вой в заброшенной
глуши.

Здесь не раз рождались поселения.
Но явилась новая беда:
Вновь несла пожары,
разоренья
Половцев несметная орда.

И опять над Ворсклою - рекою:
Стон и детский крик,
и женский плач.

И за косы
грязною рукою
Русских женщин
половец - палач
В степь тащил...

В селении разбитом
Всё сгорело-
ни одной избы
Кто пытался драться - перебиты.
Остальные угнаны в рабы.

Век двенадцатый тогда уже явился.
В летопись неведомый монах
Записал: «В Руси уж появился
Новый князь -
Владимир Мономах!»

Не желал он новые владенья
Земли и народы захватить.
Он хотел лишь русские селенья,
Русский люд,
единство защитить
И повёл он русские отряды

По весне,
 где Дикая земля.
Чтобы половцы,
 чтоб эти злые гады
Не топтали русские поля.

Он летел с дружиной в диком поле
Как орёл.
 Его была мечта:
Христиан всех вырвать из неволи,
Возвратить в старинные места.

Половцев разбил во всех сражениях -
Ликовала русская земля:
«Не страшны нам с юга разоренья,
Не страшны нам Дикие поля.»

Выхватив кривой свой ятаган*
И крича: «Велик стал князь - урус.»
Половецкий, раздражённый хан
Говорил:
 «С ним заключу союз.
Воевать с ним больше не пристало.
И весна их коням нипочем,
Сколько с жизнью здесь,
 в степи, рассталось
Воинов,
 под их двойным мечом.

Не страшны урусам наши стрелы
И не страшен им наш ятаган.
И к тому ж они храбры
 и смелы
И сильны.
 Союз.» -
 Закончил хан.

Принимая половцев - посланцев
Князь Владимир строго говорил:
«Чтобы хан
 ростовцев и рязанцев,
Всех других славян освободил,

Чтобы в Русь ходили с приглашением.
Не топтали русские поля.
Не сжигали русские селенья.
С миром к вам и

Русская земля

Будет.

Я ж на юг заставы

Вышлю.

Чтобы веровал народ,

Что сижу я здесь не ради славы

Нынешней.

А мыслю наперёд.

Быть границе там,

Где Ворскла - речка,

Да Оскол,

Да Северский Донец.

Там, слышал,

красивые местечки.

Те места не грабить.

Все!

Конец!»

Ехала застава к Ворскле - речке.

Чашку конь стоптал,

что пил кумыс

Половец недавно.

Остов печки

Встретился.

А вот красавец - мыс

Величаво взнесся над водою.

У подножья древняя верба.

А на пепелище с лебедою

Чудом уцелевшая арба.

Здесь недавно было поселенье,

От домов остались лишь следы.

Сад цветет.

И аромат весенний.

Воздух свеж.

Как - будто нет беды.

И сказал тогда
дружинник бойкий:
«Деда моего
здесь прадед жил.
Старичок один
его мальчонкой
В Русь
от печенегов уводил.
Дед всегда хвалил просторы эти...
Будто слышу дедов разговор...
Прадеда отличные приметы:
Речку.
Мыс.
И этот древний бор!
Да!
Не зря здесь издавна селились:
Рыба,
дичь,
и всякое зверье,
Пчелы
в изобилии водились,
Все тут есть!
И все ничье - свое!
Город должен снова возродиться
На мысу.
Как было в старине.
И народ сюда вновь возвратится
К милой сердцу,
древней стороне!»

Ехала застава мирно,
дружно,
В головы закрадывалась мысль,
Что казалась всем
такой радужной:
Будет снова здесь стоять
ХОТМЫСЛЬ!
Будет он стоять
над Диким полем
Мужественно.
Радостно.
Светло,
Охраня Русь от злой неволи,
Кочевым всем племенам.
Назло!

ТАТАРЫ

Куст калины дремлет над волною,
Рядом с ним кудрявая верба.
И стоит над речкою,
 весною
Срубленная новая изба.

Рос Хотмысль.
 Росло его предместье.
По - над Ворсклой избы
 к ряду - ряд.
Каждой ей хотелось,
 как невесте,
Свой иметь,
 получше всех,
 наряд!

Жили здесь жнецы и рыболовы,
Жили здесь охотники до пчел.
Были все красивы и здоровы.
А еще кого я не учел?

Жили заливчатски дровосеки.
Пахарь жил.
 Могучий лесоруб.
Кто на левом берегу засеки
Строил.
 Те, кто мог сготовить сруб
Для избы, для новой.
 Тот, кто снасти
Для рыбалки мог готовить впрок.
Кто за пристань отвечал, отчасти.
В плавании мог кто дать урок.
Коровенок, коз, свиней держали.
Кур, гусей, а также уток - птиц.

Лошади, в хлевах, под утро ржали.
На шестах сушили мех куниц.
Свадьбы всем предместьем отмечали.
Девушки водили хоровод.
С хлебом - солью всех гостей встречали.
А шутили - надорвешь живот!

Так вот жили в новеньком предместье,
Мирно. Ладно. Тихо. Хорошо.
Быстро - быстро разносились вести
Обо всем:

о малом и большом...

А за рвом

и за высоким валом,

На горе, виднелся

город - сад.

Было там всего добра навалом,

Назывался просто он -

Посад*.

Назывался, также, он -

Окольный,

Около - детинец крепостной.

И народ тут жил собой довольный,

И не бедный,

и в душе простой.

На Посаде

- самоуправление.

Собирались мужики на сход

Осенью.

И волеизъявление

Здесь свое высказывал народ.

Выбирали главного в Посаде:

Крики, смех,

кто недоволен, зол,

Подбирался, второпях, к ограде -

Выхватить, на всякий случай, кол.

Но сейчас все разрешилось мирно.

Быстро избранным посадник был.

Чтобы успокоить всех, про вирну*,

Он проговориться не забыл.

Сразу успокоились.

Негоже

Не услышать платы нужный срок.

И еще приятность!

Что похоже

Вновь не станут поднимать оброк.

Дальше все пошло совсем спокойно,

Все решили.

Что? Когда? И как?

Все вели себя теперь достойно,

Но нашелся все - таки чудак

И сказал:

«Как будем мы с предместьем*

Бой кулачный проводить на льду?

Как известно, все у них на месте,

А наш Фрол в раю,

или в аду.»

Выступил тогда посадник льстиво:

«Много дней до битвы той на льду.

Коль не окажуся я ленивым -

Сам на бой с предместьем поведу!»

И опять же голос из народу

Крикнул,

а за ним еще один:

«Позовем с дружиной воеводу,

Как судью.

Он все ж наш господин.»

«Позовем, -

сказал глава натужно, -

Пусть у нас не очень он в чести,

Но в таком бою, наверно,

нужно

Все - таки порядок соблюсти.»

Взял себе опять посадник слово:

«Вот когда начнется санний путь,

Посылать гонцов окрест,

мол снова

Торговать пусть едут,

едут пусть.

Торговать нам нужно:

князю вирну

В срок необходимо заплатить.

А дружине -

что живем здесь смиренно -

Сбрую и оружие обновить.

Все решили.

Разошлись довольны

По гостям медку хмельна попить...

Был тот день для них

последний вольный:

До утра не всем пришлось дожить.

В тыщу

двести

тридесять

девятом,

Что у Ворсклы на лугах травы,

В Диком поле,

тыщу раз проклятом,

Появились тыщи татарвы.

Там, на левом берегу,

засеки,*

Надолбы*,

бьет хитрый самострел

И завалы - дело дровосеков.

Но татарин, он и хитр, и смел.

Лезут напролом.

Уж через воду

На косматых лошадях плывут.

Снова топчут русскую природу,

Тучи стрел

на древний город шлют.

На краю предместия горела

Крытая соломою изба.

На татар с горы уже летела

Первая горящая арба.

«Надаем, уже, мы вам гостинцев,» -

Татарве ремесленник кричал.

Как - то запоздало

на детинце

Колокол надрывно зазвучал.

Конная дружина подспела
Вовремя
 и с лета, набегу
Татарву всю перебить успела,
Что была уже на берегу.
Остальные с воем отступили.
Горожане вслед давай свистать.
Но татары столько запустили
Стрел,
 что даже солнца не видать.

Запылали многие строенья.
Крики.
 Стоны.
 Подступала ночь.

И рыдала
 в жутком исступленьи
Мать,
 держа с стрелою крошку - дочь.
Раненый, стрелою ж, воевода,
Надрываясь, в голосе, зывал:
«Кто живой с дружины,
 и с народа -
Все скорей наверх,
 за ров.
 за вал.»

И татары, словно, пробудились,
Вновь рванулись через речку,
 вброд,
Но дружина
 дружно расступилась,
За щиты свои пустив народ.

Медленно дружина отступала.
Каждый был силен,
 и храбр,
 и смел...
Не всегда кольчуга помогала
Защититься
 от громады стрел.

Падает один,
 другой
 и третий...
Стрелы бьют в кольчугу,
 горяча.
«Ну - ка, подойдите ближе,
 черти,
Рубану вас, со всего плеча!
Подходите ближе,
 басурмане,
Вы еще узнаете меня.
Кровь из вас я выпущу погану», -
Юноша сказал,
 и пал с коня.
То стрела скользнула по кольчуге
И вонзилась в шею ниже рта.
Некогда друзьям
 грустить о друге.
Их прости.
 А смерть твоя свята!

Лишь немногие дошли до вала,
Через ров не все перебрались.
На Посаде строили завалы
И всю ночь без устали дрались.

Все дрались.
 Вот лесоруб с секирой,
И уже с простреленным
 плечом.
Землепашец колет
 длинной вилой.
Бондарь рубит
 поднятым мечом.
Цепом,
 как снопы, с коней сбивает
Татарву
 селянин - великан,
Но через мгновенье обвивает
Шею парня
 степняка аркан.

Пятеро

со всех сторон схватили,
Лишь с трудом, на землю низвели,
Руки за спиной
уздой скрутили,
В лагерь
на аркане увели.

Там посадник дрался,
у детинца,
С непокрытой,
гордой головой,
Зарубил он много лихоимцев -
Сам был срублен
саблею кривой.

Бились стойко.
Гибли под стрелами.
Сколько ж этой грязной татарвы?
Посмотреть:
ее уже телами
Кое - где заполнены и рвы.
Но, все прут и прут.
Защита тает.
Землепашец пал.
Пал лесоруб...
Над Хотмыслем
тягостно летает
Дикий звук
татар победных труб.

Тише крики.
И все тише стоны.
И слышна гортанная лишь речь...
На земле
растоптаны иконы,
Что хотели женщины сберечь.

Воевода
и дружина пали.
А из горожан, кто уцелел?
Те,
кто к басурманам в плен попали.

Или,
кто прорваться в лес успел.

- 8 -

И опять
над Ворсклою - рекою
Разносились стоны,
детский плач.
Вновь за косы
грязною рукою
Русских женщин
басурман - палач
В степь тащил...
Все сожжено, разбито.
В пепел превратили всю красу
Города.
Людей часть перебита.
Часть в плену.
Укрылась часть в лесу.

Разгромил Донской
Мамая орды!
Там, где брод был,
поднялся камыш.
Зажили опять
хотмышцы вольно
Но промчался
дикий Тахтамыш.
Сжег Москву
и ускакал обратно,
Сея смерть
на Русской стороне,
Уводя в полоны безвозвратно
Люд наш,
как и в прошлой старине.
И еще сто лет
людских страданий,
Горя.
Да, всего не передать...
Сколько же еще
татарам дани
Нужно было
за сто лет отдать.

Растоптавши
 грамоту от хана
И, сверкнув,
 как солнце на заре,
Свергнул иго
 татарвы поганой
Князь Иван
 на речке, на Угре.

Вновь в Хотмышле
 мирно и красиво.
Жгли костры,
 водили хоровод,
Свадебки справляли
 и счастливо
Стал здесь проживать
 простой народ.

А за Ворсклой, к югу,
 в Диком поле,
Что, примерно,
 в двадцати верстах,
Начал угрожать
 опять неволей,
Грабежом
 татар Муравский шлях.
По нему крымчане
 вглубь России
Проникали рядом
 много раз,
Не всегда
 походы приносили
Им удачу.
 А когда на глаз
Попадался
 городок на взгорке,
Лес - красавец
 и красавец мыс,
То темник,*
 похлопывая холку
Лошади
 и, отхлебнув кумыс,
Говорил:
 «Ох, злы стали урусы.»
И уже, как - будто
 ни в себе

Стал кричать:

«Коль вы еще не трусы,
Все берите, все,
вон там,
себе.»

И опять

над Ворсклою - рекою
Разносились стоны,
крики,
плач.

И опять

некрещенной рукою
Женщин и детей
крымчак - палач
В степь тащил.
Все сожжено, разбито
И бурьян разросся
на полях.
Сколько же мужчин
вновь перебито...
С Запада же прет
надменный лях...*

И по государеву указу,

В тысяча

шестьсот

сороковым,

Нужно было строить быстро,

сразу

Город - крепость

на мысу на том,

Что на Ворскле,

с полем Диким рядом,

Чтоб уменьшить

нападений риск,

Толстой - воевода

шел с отрядом,

Чтоб поставить город здесь

ХОТМЫЖСК.

Словарь

«...ТРИ ЖЕНЫ...» - до Крещения, на Руси было многоженство.

«СЕВЕРЯНЕ» - славянское племя, жившее на территории нашего края.

«... У СЕМИ ТЕХ ТОПОЛЕЙ.» - у многих славянских племен при рождении сына сажали тополь.

РАТИБОР - полумифический князь племени Россов.

ЯТАГАН - кривой меч - сабля.

ХОТМЫСЛЬ, ХОТМЫШЛЬ, - древние названия с. Хотмыжск.

ПОСАД - город внутри крепости.

ПРЕДМЕСТЬЕ - поселения вокруг крепости.

ВИРНА - дань, штраф князю.

ЗАСЕКИ, НАДОЛБЫ - укрепления из деревьев.

ТЕМНИК - командир тысячи воинов у татар.

ЛЯХИ - поляки.

C t u x u

Святая Русь.

.....

Борисовки прекрасней нет окрест.
Ей чужды были рабство
и неволя.
Она же первую из всех слободских мест
С бесстрашием ворвалась
в Дико поле.

Красивы Ворсклы нашей берега.
Цветут кувшинки
так неповторимо.
Все в зелени, просторные луга.
А далее -
поля необозримы.

Поутру слышны трели соловья.
Там горлица воркует.
Тут синица
Попискивает.
В небе вижу я,
Как точку - нотку
жаворонка - птицу.

О чем поет он в синей вышине,
Застывши на одном,
так долго, месте?
Наверно, о нагрянувшей весне,
Наверно, о любви и о невесте...

Пой, жаворонок,
песенку свою,
Ведь в небесах грустить совсем негоже.
И, слушая тебя,
тебе я тоже
Здесь,
на земле,
тихонько подпою!

Я ПОМНЮ !

Я помню
нашу пыльную дорогу
И у сарая
старый дряхлый пень,
И деда Стешку,
мирно у порога
Мурлыкавшего песни
каждый день.

Я помню
деревушечку родную,
И как в дождь - ливень
бегал я нагой,
И, даже, бабу,
злую, неродную,
Что звали меж собою мы
«Ягой».

Я помню:
под отцовскую гармошку
В пять лет
я так выплясывал «Гопак»,
Что гости все дивились:
«Вот те крошка!

Ну, молодец!
Ну и дает, босяк!».

Я помню
тот вишневый сад у деда
И, как весной
там пели соловьи,
Как в праздник,
всей семьёю, пообедав,
Мы пели песни
лучшие свои!

Я помню,
как и я решил, что надо
И мне у дома
развести свой сад.

И я сажал.
И скоро мне в награду
На пустыре
расцвел мой новый сад!
И, что за чудо!
Как на удивленье
Вкуснее были
ягоды свои,
Красивей был мой сад
в своем цветеньи
И лучше пели
наши соловьи!

СТЕБЕЛЕК

Стремится к солнцу хрупкий стебелек.
В нем жизнь лишь только начала теплиться.
Но точно знаю: день тот недалек,
Когда наш стебелек начнет ветвиться.
 Когда ж всю прогреется земля
 И грозы прогремят опять весенние,
 Зазеленеют весело поля -
 Наступит и его пора цветения!
Он буйно и бесстрашно зацветет
На вешнем ветерке цветком качая
Друзьям.

 И в мыслях песенку поет
Протяжно - тихую, о будущем мечтая.
 Не долго будет он стоять в цвету
 При ярком солнце и при лунном свете,
 Вынашивая светлую мечту,
 Мечту, прекраснейшую всех на свете!
Мечтал тот стебелек продолжить род,
В ненастия бутончик закрывая.
Дождался - завязался нежный плод,
А лепестки опали, увядая.

 Теперь наш стебель думать перестал
 О красоте.
 Стал крепче и на диво
 Всей силой упираться в землю стал:
 Кормить, оберегать свой плод ревниво.
Все лето плод висел и созревал
На ветке, на родительской.

 А осень
Пришла неожиданно.
 Стебель наш упал,
Упал с улыбкой, не страдая очень.
 И он лежал, и тихо умирал,
 Ничуть о прошлой жизни не жалея,
 И потускневшим взором он взирал
 На плод, который он всю жизнь лелеял.

Он умирал,
 не ведая тоски,
Страдания
 и всяческих сомнений.
Он знал:
 весною плод его ростки
Даст для других,
 для новых
 поколений!

КРЕСТЬЯНИНУ

Рожь колосится
мирно у дороги
И птицы
распевают тут и там.
Но, все - таки в душе моей тревоге
Есть место.
Почему? Не знаю сам?

Вроде б землю крестьянину
дали опять,
Вроде б жить теперь
лучше можно!
Только как вот
реформу эту понять?
Да и где же такое возможно?
Ну, скажите,
ну, где это видано,
Что за деньги
им хлеб их дают?
И ужасно,
ужасно обидно,
Что так дешево
ценят их труд.
К ночи ноют:
рука, и спина, и бока,
Даже сил нет
взглянуть на небо...
Ну, а сдать нужно
аж треть ведра молока,
Чтоб купить
лишь буханку хлеба.

1993 г.

РОССИЯ, МИЛАЯ...

Россия, милая!

Ну, что с тобою стало?

Опять вскружились

стаи воронья.

Опять

пора смятения настала,

Предательства,

насилия,

вранья.

В газетах, на экране

вновь злословья...

Куда идем, Россия,

мы, куда?

Нам жить

с Надеждой,

Верой

и Любовью!

Иль снова

с «Красным Знаменем Труда»?

Мы снова все

как - будто игроки

И ждем,

что двадцать первый век придет,

И, может быть,

с собою принесет

Так нужные

для всей страны

очки.

1999 г.

МОЯ СТРАНА

Страна моя
заброшенный луг

.....

Опять пишу

и вовсе не боюсь

От коммунистов

получить по «репе» я

Я верю в Русь!

Но вольной станет Русь,

Когда в стране не станет

Раболепия.

И пусть десятки лет

я проборюсь,

Чтоб жить в стране

вполне демократической.

Я не хочу,

чтоб снова стала Русь

Страной

безжалостно - коммунистической.

1993 г.